

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

18+

Евгений Кузнецов

Vita-4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73544073

SelfPub; 2026

Аннотация

Земля давно покинута людьми. Но перед проведением Межгалактических игр человечество решает убедиться, что на мёртвой планете не осталось угроз. Экспедиция «Вита-4» отправляется на некогда голубую планету, чтобы найти и уничтожить скрывающихся там террористов.

Содержание

***	4
***	31
***	33
***	40
***	43
***	49
***	51
***	57
***	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Евгений Кузнецов

Vita-4

Посвящается маленькому мне, мечтавшему когда-нибудь написать научно-фантастический роман.

Получилось немного не так, как он тогда задумывал, но, надеюсь, он простит мне это.

Посвящается также мне большому, который не верил, что я смогу написать роман за месяц.

Где-то в самом тёмном углу марсианской базы стоит стенд с золотыми табличками.

Обычно сюда никто не заходит. Слишком далеко от жилых отсеков, слишком темно, и смотреть, по правде говоря, не на что – несколько десятков имён за пыльным стеклом.

Я всё равно иногда прихожу.

Рукавом стираю пыль со стекла.

Когда-то эти люди представляли человечество перед другими цивилизациями. Послы, первооткрыватели, герои – как их только ни называли. Тогда люди ещё жили на Земле и даже не подозревали, что через несколько поколений разбредутся по всей Солнечной системе, а самые амбициозные от-

прavятся дальше, к другим звёздам.

Я не из таких. Не из амбициозных. Мне удалось пожить только на Марсе и на Европе. Ну и на Земле чуток. Впрочем, хвастаться тем, что побывал на Земле, не приходится.

Мне говорили, что среди имён есть мой дальний-дальний предок. Иногда я пытаюсь угадать, который из них.

Не уверен, что он бы мной гордился.

– Вот ты где, – обратился ко мне знакомый голос. Из темноты коридора вышел высокий рыжий голубоглазый парнишка, как и я, одетый в бежевую футболку, тёмно-красные штаны и высокие ботинки. Он остановился рядом и сделал вид, что увлечённо читает имена на золотых табличках. Он делал это постоянно, а потом говорил: «Нас там Толстяк ждёт».

– Нас там Толстяк ждёт, – и мы пошли по длинным коридорам базы в логово Толстяка, в его роскошный кабинет, отделанный давно исчезнувшим деревом – берёзой, кажется.

Толстяк, упитанный, подлысоватый дядька, возможно, единственный во всей Вселенной курил настоящие сигары. Он разрешил нам сесть на табуретки у стола и стал рассказывать что-то про добычу платины. Или про охоту на заповедных планетах. Или про что-то ещё. Я никогда его не слушал. Мне было всё равно. Другим, впрочем, всё равно не было, и они его слушали внимательно. Иногда кивали, иногда посмеивались над его глупыми шуточками, иногда сами шутили, чтобы поднять Толстяку настроение. У Толстяка подни-

малось настроение ещё от сплетен или от рассказов, как кто-то упал на лестнице и кричал от боли. Я чувствовал лишь неприязнь к этому человеку, поэтому вообще не слушал его. Другие слушали, но, кажется, тоже испытывали неприязнь. Поскорее бы выйти из его кабинета и, не знаю... пойти в столовую. Или ещё куда-то.

Рыжий, когда Толстяк нас отпустил, в двух словах пере­сказал, зачем нас вызывали. Дело в том, что Толстяку не нра­вится, что два «элитных» агента слоняются по базе без де­ла, поэтому он посоветовал нас своему «деловому партнёру» как телохранителей. Наше мнение, естественно, спрашивать он не стал: подумал, наверное, что мы для него хоть Солнце передвинем. Впрочем, ради ранней пенсии, положенной мне по контракту, я бы и Солнце передвинул. А тут всего-лишь телохранителями побыть – лицом поторговать. Это раньше, насколько я знаю, работа опасной была. А теперь телохрани­тели нужны для статуса. И если нас как «элитных» агентов желают видеть телохранителями, то «деловой партнёр» Тол­стяка за статус переживает чертовски сильно. Глупость ка­кая, все эти статусы, если вам интересно моё мнение. Впро­чем, какая разница? Любит человек выпендриться, пусть вы­пендривается – против своей природы не попрёшь.

Через час, в смокингах – надо же, их кто-то ещё но­сит, – находясь в аэрокебе, мы пролетали над зелёно-крас­ными марсианскими пейзажами меж высоченных небоскрё­бов. Напротив нас сидели «деловой партнёр» Толстяка и его,

надо полагать, жена – удивительной красоты девушка, одетая в блестящее платье. Я находил в её острых скулах и глубоко посаженных глазах что-то отталкивающее, что-то неприятное. Это, однако, не умаляло её красоты. Она оторвала взгляд от гаджета и впервые посмотрела на нас. Нахмутив лоб, она толкнула локтем своего мужа, подождала, пока тот снимет очки, и громко спросила его:

– Где ты таких некрасивых телохранителей взял? Чем тебе прошлые не понравились?

Муж взглянул на нас оценивающе, подумал и ответил:

– Я не знал, что один из них рыжий. Но это, говорят, лучшие из лучших. Они на Земле были.

– На Земле? – удивилась женщина. – И как там? Всё так ужасно, как говорят?

На линзах наших очков всплыла подсказка: согласно этике телохранителей, мы не должны отвечать на вопросы.

– Да уж, те хотя бы разговаривали, – обижено сказала женщина и снова уткнулась в свой гаджет.

– Зато это профессионалы, – пожал плечами «деловой партнёр» и надел очки.

Аэрокеб приблизился к стыковочному люку. Мы вышли, двинулись по коридору, делая с Рыжим вид, что мимо нас ни одна муха не пролетит. На Марсе, правда, мух нет.

Огромный светлый зал. Толпа. Роскошная хрустальная люстра парит под потолком. Летают дроны-светильники. Игрует музыка. Не удивлюсь, если живая. Мужчины в смокин-

гах, напомаженные. Женщины в нарядных платьях. Невероятная старомодная роскошь сочилась из всех щелей. «Деловой партнёр» по очереди подошёл к каким-то людям, пожал им руки, сделал несколько комплиментов. Мы стояли позади него и смотрели на стоящих позади тех, других «деловых партнёров», телохранителей – высоких, мускулистых, в чёрных очках и с каменными лицами.

– Это элитные парни, – он кивнул в нашу сторону. – Они на Земле были.

– Ну, оно и видно, – усмехнулся другой «деловой партнёр». – Я вот на следующее мероприятие договорился с инопланетянами из созвездия Тельца. Они такие существа мощные. Думаю, поставить на то, что кто-то с тех планет и на Межгалактических играх победит.

– Да ну, какие инопланетяне в самом деле. Люди – вот кто самый статусный и самый сильный вид, – ответил наш «деловой партнёр», хотя в его голосе я слышал зависть. Конечно, было бы круче, наверное, держать за спиной настоящих громил из других звёздных систем, чем хрупких людей. А если и держать людей, то крупных. И обязательно красивых. Для людей, давайте будем честны, красота важна.

После этого диалога наш «деловой партнёр» сказал нам, что мы можем пока быть свободными – видимо решив, что мы выставляем его не в лучшем свете, – а сам направился к другой компании.

– Какая же это глупость, – вздохнул Рыжий, когда мы вы-

ключили встроенных в очки ассистентов, подошли к столу с закусками и набрали на тарелку разных вкусностей, типа кусочков синтетического мяса давно исчезнувших животных и всяких кремовых десертов. Я положил в рот утку, и это было чертовски вкусно. Всю жизнь бы только уткой питался. Наверное, надо было идти в телохранители. Да, я не самый красивый, не самый мускулистый, но какие проблемы-то с современными технологиями? Шутки шутками...

– Какой-то маскарад, – продолжал негодовать Рыжий. – Добровольно корчат из себя непонятно что. Неужели им это нравится? – он съел кусочек мяса и запил соком. – М-м-м, ты пробовал утку? Это бесподобно!

К нам подошёл робот-официант. Эту железяку тоже облачили в смокинг. Выглядело нелепо. Интересно, сам робот понимает, какая всё это дурь? Понимает, конечно...

– Вам что-нибудь подать, месье? – спросил он с французским акцентом, с этим «месье»... Ещё нелепее и представить себе ничего нельзя. Рыжий посмотрел на меня, покраснел и чуть было не расхохотался. – Вам смешно, месье? Должен сказать, что меня обижает тот факт, что вы можете смеяться надо мной. Я всего-лишь робот, месье. Я просто выполняю свою работу.

Рыжий кашлянул в кулак.

– Да, я извиняюсь, что мог вас обидеть. Скажи, что у вас есть?

Робот зачитал меню. Половина слов на французском, а у

нас не было переводчиков в ухе, поэтому, не знаю как Рыжий, но я ничего не понял.

– Принеси нам чего-нибудь на своё усмотрение. То, что понравилось бы всем.

– Всем угодить невозможно, месье... – ответил робот и, как мне показалось, мигнул своими жёлтыми круглыми глазами, будто внутри него скакнуло напряжение или случился сбой в программе. – Но я постараюсь, месье.

– Тут ведь даже нет стульев, чтобы сесть и поесть, – огляделся Рыжий. – И вообще, можно ли телохранителям есть?

Он достал из кармана платок и вытер лоб. Я посмотрел вокруг. Все были заняты своими делами: разговаривали, пили, смеялись, веселились. И только люди в чёрных очках стояли неподвижно, делая вид, что готовы защитить своих нанимателей. Интересно, они правда могут? Я нащупал сквозь пиджак рукоятку пистолета и самодовольно подумал, что мы с Рыжим единственные в этом огромном зале, кто действительно умеет обращаться с оружием. Случись что, все эти мускулистые пиджачки в чёрных очках обделаются от страха и убегут. А мы... Мы, наверное, не убежим. Наверное, сможем что-то сделать... Хотя, если честно, мне безразличны все эти люди. Будет большой глупостью умирать за них. Вообще умирать – большая глупость. Ты будешь главным неудачником, если совсем немного не доживёшь до момента, когда смерть будет побеждена. Так что, если тут что-то начнётся, то разумно было бы сделать вид, что ты что-то мо-

жешь и, выждав момент, сбежать. В конце концов, тут все делают какой-то вид. И нас сюда пригласили тоже делать вид.

Робот привёз нам на подносе две черные миски: трава, разрезанные пополам яйца, какие-то овощи и нарезанное полосками мясо.

– Бон аппетит!

Я наколол вилкой содержимое и попробовал. Ужасно. Робот был прав: всем угодить невозможно. Но вот Рыжий уплетал за обе щеки.

– Потрясающе! Надо было в телохранители идти, – сказал он, хотя мы так и не разобрались, разрешается ли телохранителям на таких мероприятиях есть. На нас, впрочем, никто не обращал внимание. Наверное, мы не такие статусные. Что-то типа обслуги, как робот-официант. Как робот-уборщик. Как эти дроны, кружащие вокруг люстры. Как другие телохранители. Впрочем, может, будь ассистент в очках включен, он бы подсказал нам, где наше место. И это место, возможно, не у столов с едой. Но какая разница? Мне так наплевать на этого ассистента и какой-то там кодекс телохранителей, потому что я не телохранитель... Я не знаю, кто я, но точно не телохранитель.

– Знаешь, это, кажется, анчоус, – облизнулся Рыжий. – Я помню, где-то пробовал тубик со вкусом анчоуса.

Какие тубики мы только не пробовали, когда учились на тех, кем нас считают. И тубики с едой, напоминающей рыбу, вызывали у меня отвращение. И я очень удивлён, что ко-

му-то нравится вкус рыбы. Меня, однако, рыба сейчас мало интересовала. Быстрее бы всё закончилось, и мы бы вернулись на базу. Да, там скучно, но зато там не приходится смотреть на все эти рожи «элиты» человечества.

К нам подошла маленькая девочка в серебряном платье. Она дёрнула меня за рукав и спросила, правда ли мы были на Земле. Будь сейчас включён ассистент, он бы наверняка подсказал, что разговаривать с девочкой не следует. Впрочем, мне и не хотелось с ней разговаривать: я могу лишь представить, какой романтизированный образ сложился у неё о Земле: некогда рай, а теперь неизвестность, скрытая за плотным газом. Там больше не живут те причудливые животные, называвшиеся гепардами, медведями и лошадьями. И мне было бы обидно, если её детское сердце окажется разбито.

– Да, это правда, – добродушно ответил Рыжий, как будто собираясь рассказать ей невероятную захватывающую небылицу про розовые облака и радуги от горизонта до горизонта, впрочем, подошла женщина, схватила девочку за руку, и со словами «нечего тебе с ними разговаривать» утащила в толпу.

– Да уж, – обиженно произнёс Рыжий, – кажется, за людей нас тут не считают.

Он озвучил совершенно очевидную вещь. Однако, если бы кто-то меня спросил, я бы ответил, что за людей не считаю как раз всех, кроме той девочки. Большинство детей –

это самые человечные люди из всех людей. Думаешь порой, что если бы все ко всем относились так же непринужденно, так же по-доброму, с таким же любопытством, как дети, то человечество, пожалуй, было бы уважаемой расой.

– Знаешь, о чём я подумал? – спросил Рыжий, поставив грязную тарелку на стол. – Эти люди могли бы инсценировать нападение на этот зал, чтобы продемонстрировать, на что способны их телохранители. Но на это никто не пойдёт, потому что они знают, что их телохранители ни на что не способны. – Он рассмеялся и вытер рот салфеткой. Конечно, нападение бы добавило остринки в этот скучный спектакль. Организовать такое, наверное, было бы сложно. Но, как любят говорить про себя все эти «деловые партнёры», для них нет ничего невозможного.

Однако до конца этого вечера ничего не случилось, и мы вернулись на базу, в привычные серые коридоры. В своей комнате я включил монитор. Заиграла спокойная музыка. Стены тут же стали нежно светиться ей в такт. На красной полоске проносилась реклама и новости. Где-то что-то опять продают: гели для омоложения, роботов нового поколения для работы по дому. Где-то что-то опять произошло: на Европе задержана группа террористов, перелёты на Луну без причины приостановлены до дальнейшего распоряжения, человечество готово принять первые для себя Межгалактические игры – вся инфраструктура готова. Я бы хотел посмотреть в глаза тому существу, кто одобрил заявку че-

ловечества на проведение этих игр. Люди отгрохали целые города на поясе астероидов. Просто колоссальный проект. Уверен, все, кто приедет участвовать в этих играх, посмотрят на всё это и подумают: «Они сумасшедшие!» Я примерно знаю, как проходили прошлые игры: скромные стадионы на планетах, никакой помпы, никакой дорогушей во всех смыслах инфраструктуры. После игр ничего не простаивает. А у нас... кто в здравом уме будет потом использовать все эти неудобные города на поясе астероидов? «Раз нет никаких шансов выиграть, – подумали те из людей, кто принимает решение. – Поразим всех масштабами».

Через несколько дней из отпуска (или где они там были?) вернулись Стивен «Капкейк» Нисбет и Эва «Бекка» Ваутерс – участники второй и третьей экспедиции на Землю. С ними в команде был я, Рыжий и ещё несколько человек, которые уже ушли в отставку. Капкейк – двухметровый чернокожий угрюмый громила. Я не совру, если скажу, что побаиваюсь его. Бекка – круглолицая девушка с тёмно-синими глазами, тонкими губами и русыми волосами. Её я тоже побаиваюсь. Мы вчетвером, с ними и с Рыжим, сидели напротив Толстяка в его кабинете. Он что-то рассказывал. Наверное, как всегда, что-то важное. Надо, конечно, его слушать. Возможно, иногда надо ему возражать, чтобы он не поручил что-то, что не хочется выполнять. Хотя какое я право имею ему возражать – у меня контракт. Возражать ему себе дороже... Что он там говорит? Я посмотрел на Капкейка. Тот,

положив свои огромные ладони себе на колени слушал внимательно, кивал. Бекка тоже кивала. Её лицо не выражало абсолютно ничего – такое пустое; и глаза – такие стеклянные, с большими зрачками. Красивые глаза. Рыжий не кивал. На лбу складки удивления. Он встретился взглядом со мной и легонько помотал головой, будто увидел во мне человека, который разделяет его удивление. Должно быть, Толстяк говорит какую-то чушь. Надо послушать. Так... «Межгалактические игры», – возможно, нас пошлют организовывать их безопасность. Это было бы интересно... Что ещё он говорит: «Земля... террористы... Не позволить...» Всё ясно, нас опять посылают на Землю. Будем там с террористами бороться, чтобы ни в коем случае не сорвали Межгалактические игры... Даром, что на Земле нет ничего, кроме непригодных для жизни замусоренных городов. Я там был дважды, я знаю... Мы переглянулись с Рыжим. Думаю, наши мысли совпали. А Капкейк всё кивал – осмысленно, в предвкушении экспедиции. Бекка тоже кивала – тоже, кажется, осмысленно... Что ж, Земля... Не буду говорить, что я в восторге от возвращения в колыбель человечества. Но раз надо... решение принимаю не я. Нужно бороться с террористами – будем бороться. Тем лучше, что их на Земле нет. Тогда и бороться ни с кем не придётся – посидим в лагере, вернёмся назад, а потом забудем об этом, как о страшном сне... ну, по крайней мере, забуду я – мой контракт как раз на три экспедиции рассчитан. Потом пенсия – на десятилетия раньше,

чем в других профессиях ... Возьму и покину Солнечную систему! Осяду где-нибудь там, где цивилизация не борется с другими цивилизациями и не ищет повсюду террористов...

Толстяк отпустил нас. Пройдя дальше по коридору от его двери, мы остановились, чтобы обсудить услышанное. Капкейк, сложив свои мощные ручищи на груди, сказал, что в этот раз миссия очень серьёзная: мы не должны допустить, чтобы террористы в заброшенных земных лабораториях разработали какое-нибудь оружие, чтобы сорвать Межгалактические игры. Какое оружие и какими ресурсами ведётся его разработка, а самое главное, где находятся эти подземные лаборатории, Капкейк не рассказал. Думаю, этого не знает даже Толстяк. Ему лишь бы в Солнечной системе происходил какой-нибудь военный движ. Будь его воля, он бы Землю уничтожил. К его сожалению, судьба Земли находится не в его руках. К его счастью, в его руках возможность посылать людей на Землю для проведения специальных военных операций. Мне трудно поверить, что он убеждён, что мы на Земле что-то сможем найти. Хотя, глядя на Капкейка, – в его глазах я видел кровожадный азарт – сомнения отпадают. Интересно посмотреть, с каким лицом он будет писать в отчёте количество нейтрализованных террористов? Думаю, нам придётся взорвать парочку давно разрядившихся земных роботов, чтобы хоть как-то задействовать то количество оружия, которое нам наверняка с собой дадут. Ужас... Прочные экспедиции на Землю хотя бы имели какой-то смысл.

По итогам последней, мы даже установили, что вероятность существования жизни на некогда голубой планете стремится к нулю. А теперь будем с террористами бороться... должно быть, вылупились из тех самых «подземных лабораторий», пока нас там не было.

Старт экспедиции через неделю. Неделя проходила тяжело и медленно: серая комната, серый спортзал, серая столовая, прогулки по серо-красным марсианским городам. То ли ещё будет на Земле... К моему удивлению, на борьбу с земными террористами решили бросить, по ощущениям, чуть ли не всю марсианскую армию. Я спускался на стеклянном лифте к пункту сбора и видел внизу неисчислимую толпу одинаковых солдат. Выйдя из лифта, я стал таким же одинаковым солдатом. В моей экспедиционной группе, кроме Рыжего, Капкейка, Бекки и меня, числилось ещё пара десятков участников. Я мельком посмотрел на них, прежде, чем занять место в нашем челноке: низкий, высокий, блондин, ещё один блондин, но с тёмными глазами, плешивый, лысый, чёрный, губастый, женщина, ещё две женщины, кто-то ещё и кто-то ещё... Мне наплевать на них. Главное, чтобы вспыльчивыми не оказались. Я не люблю вспыльчивых. Капкейк, вот, например, вспыльчивый. Так он ещё и лидер нашей группы. Ходит важно со своим компьютером. Смотрит там что-то – какие-то карты, планы, профили предполагаемых целей. Откуда это всё взялось – мне не понятно. Рыжий сказал Бекке:

– Интересно, кто все эти данные собирал? Неужели они и правда... – он прервался и посмотрел напарнице в глаза – пустые, ничего не понимающие, но красивые.

– Что? – спросила она.

– Неужели и правда они столько информации нашли?

– Я не думаю, что они стали бы нас отправлять на Землю, если бы не имели никакой информации. Зачем им подвергать нас опасности?

Рыжий улыбнулся и посмотрел на меня. Должно быть, ему показалось, что я понял эту его улыбку.

Наконец мы сели в кресла и пристегнулись. Я надел шлем. Визор включился экраном и стал показывать рекламу: новая модель синтезатора пищи, круизы к поясу Койпера, робот-парикмахер, объединённые Вооружённые силы человечества. После рекламы начался инструктаж, что делать в случае неполадок с челноком. Я слышал его так много раз, что знаю наизусть. После инструктажа визор погас и через какое-то время включился вновь. Я оказался на ферме. Деревянный дом, грядки, загоны с животными. Дивный зелёный мир. Наверное, геймдизайнеры пытались передать то, как жилось на Земле когда-то. Эх, такую планету уничтожили... Я собрал урожай, и на ферму опустилась ночь. Зажглись звёзды. Засияла яркая нереалистично огромная Луна. Потрясающе! Вечность бы провёл в этом мире, будь моя воля. Зачем мне эта скучная плохо спроектированная реальность, когда есть моя виртуальная ферма из куска кода, над

которым бережно трудились, выверяя баланс интересности, сотни людей и роботов? А потом снимаешь шлем, и оказывается, что ты летишь на Землю по приказу какого-то толстяка дышать газом и воевать с теми, кого не существует. Не снимать шлем, впрочем, тоже не вариант: виртуальным урожаем сыт не будешь. Думаю, рано или поздно геймдизайнеры решат и эту проблему. А может, и не решат... Я в этом не разбираюсь.

По прибытии на Землю шлем пришлось снять. Мы высадились, судя по карте, в городе, который назывался раньше Ливерпулем. Надев кислородные маски и скафандры, мы вышли наружу, на серый потрескавшийся асфальт. Кто-то из солдат громко закричал в наушник: «Я не могу дышать! Не могу дышать!» К нему подошёл Капкейк и нажал на его маске кнопку принудительной подачи кислорода. Начался дождик. Я смахнул капли с визора. Вокруг нас разрушенные стены некогда жилых домов, ржавеющие автомобили, навсегда замершие роботы – я читал, что их создатели заверяли, что аккумуляторы у этих роботов вечные... Всё такое удручающее. Каждый раз, когда я выходил из челнока на Землю, я чувствовал необъяснимое щемление в груди. Мне становилось так грустно, так тоскливо. Хотелось броситься обратно в челнок и улететь домой... на Марс...

– Чего мы ждём? – услышал я голос в наушнике. Так громко, что захотелось снять шлем и выбросить эту дрянь из уха.

– Нас должны были встретить роботы, – ответил Капкейк.

Он достал планшет. Вот так вот, никаких роботов, кроме этих, разряженных, с вечным аккумулятором.

Это было бы очень глупо – высадиться в никуда. На все эти мёртвые бетонные улицы.

– Какие-то проблемы с навигацией, – объявил Капкейк. – Мы приземлились в двух километрах от предполагаемой посадки. Надо идти пешком.

– А как же челнок? – спросил кто-то.

– Сейчас не до челнока, – рявкнул Капкейк. – Все за мной.

И мы пошли за ним колонной. В смоге я не видел того, кто шёл перед тем, за кем шёл я. Ещё надо было поглядывать под ноги. Вонзится что-нибудь в ногу, тут же тебя похоронят. Ходила байка, что кто-то во время прошлых экспедиций вступил куда-то и взорвался. Тут версии расходятся: одни говорят, что он погиб на месте, другие говорят, что ему оторвало ноги и он мучительно погиб чуть позже, а третьи говорят, что ему оторвало ноги, но потом он поставил себе суперсовременные протезы и был очень доволен... как бы то ни было, я не хочу, чтобы мои ноги превратились в биологические отходы, коих на этой планете и без того много. Надо идти шаг в шаг за тем, кто идёт передо мной. А тот должен идти шаг в шаг за следующим. А Капкейку во главе колонны нужно доверять своей чуйке. Впрочем, вряд ли Капкейку страшны все эти взрывы – с таким-то телом. Страшнее, что кислород в баллонах закончится. Я посмотрел на электронный датчик на запястье – он показывал, что кислорода оста-

лось хоть обдышись. Не доверяю я всем этим электронным датчикам, хотя они ни разу не подводили. Честно, я бы предпочёл носить на запястье старомодные механические часы. С другой стороны, недаром же от них отказались в угоду всей этой электронщине за сотни лет до моего рождения...

– У нас тут гора мусора, – услышал я в ухе голос Капкейка. Как же громко! Чёрт меня дёрнул забыть проверить громкость перед высадкой. Но а что теперь делать... либо оглохнуть, либо снять шлем и умереть после первого вдоха этого потрясающего земного аромата.

– Мы её обойдём, – доложил Капкейк.

Надо же, этот громила способен на рациональные поступки... хотя что это я иронизирую... Если подумать, то ему не страшно и жизнь доверить. Надеюсь, правда, жизнь доверять никому не придётся, потому что люди склонны иногда по разным причинам доверие не оправдывать... впрочем, чем я занимаюсь сейчас... Моя жизнь тут в чьих угодно, но только не в моих руках... Ливерпуль – какое дурацкое название для города...

– За мной! – скомандовал Капкейк. И мы стали обходить эту гору. Когда я увидел её очертания сквозь пелену газа, подумал, что смотрю на мусорный Олимп. Вершина горы уходила высоко за плотные облака, поэтому оценить её реальные размеры было сложно: про Олимп я наверняка преувеличил.

Обходили мы эту гору долго. Уровень кислорода на мони-

торе браслета уменьшился на два деления – скоро наушник неприятно пропищит, предупреждая, что рано или поздно настанет момент, когда рассчитывать на баллоны за спиной больше не придётся. Предупреждение это, конечно, приходит сильно заранее – не знаю, о чём думали создатели этой системы. Наверное, посчитали, что для солдата, и так находящегося в стрессовой обстановке, писк в ухе, сообщающий, что осталось четыре пятых от объёма баллонов, окажется приятным сюрпризом, и он обрадуется – ещё дышать и дышать!

А мы продолжали идти по всем этим одинаковым руинам некогда, наверное, процветающего города. Ливерпуль... Что за название такое дурацкое?

Наконец пришли. Ушедшее под землю здание. Вход приглашал коридором с развалившейся лестницей в черноту.

– Фонарики, – скомандовал Капкейк. Мы послушно нажали кнопки на наших шлемах. Лучи яркого света тут же порезали эту темноту. Чем ниже мы спускались, тем сильнее слышались помехи в наушнике. Кажется, кто-то пытался связаться с нами. Ещё через какое-то время помехи превратились в отчётливую роботизированную речь:

– Говорит «Бот-12». Мы поймали ваш сигнал. Как слышно?

– Говорит лидер экспедиции «Вита-4», позывной Капкейк. Слышно хорошо. Мы прибыли на базу.

– Вас понял, Капкейк. Мы видим вас в сети. Следуйте к

люку.

«Вита-4»... Я и забыл (а может, я даже не знал), что у нашей экспедиции такое название. Вот уж действительно «вита» – бродить по умершей планете и искать выживших, чтобы их устранить. Капкейк повёл нас к люку, оказавшемуся огромной бункерной дверью. Все вошли в «предбанник». Нас обдало газом. Раздался гудок сирены, вторая дверь открылась, и мы вошли в огромное полуразрушенное помещение. Потолок поддерживали балки, обмотанные тускло светящейся лентой. Вот оно, стало быть, место, где нам придётся ночевать в лучшем случае ближайшие несколько месяцев. Последовав примеру Капкейка, мы сняли шлемы и респираторы. Нос тут же защищало прошедшим через фильтры очистителя воздухом. Я вытащил наушник. Очистители воздуха гудели повсюду. Этот ужасный гул, к которому не так просто привыкнуть... могли же привести сюда более новые, тихие, модели. Вот так вот о своих защитниках заботится человечество – вынуждает жить в нечеловеческих условиях.

Нас встретил робот. В своих металлических клешнях он держал такой же планшет, как у Капкейка.

– Я прошу прощения, что мы не встретили вас, – мигнул светодиодами глаз наш неживой товарищ. – Что-то вызывает помехи.

– Разберёмся, – бросил Капкейк. – Все подошли ко мне! Все подошли к нему. Он стал что-то говорить. Возможно, что наше дело правое. Что мы надежда всего человечества.

Что в наших руках чуть ли не будущее всей нашей цивилизации. Наверное, он говорил так пламенно, так искренне... Впрочем, я не слушал. Вероятно, он говорил не о судьбе человечества, а о судьбе отдельных людей в лице нашей экспедиции. Напоминал, что нужно вовремя наполнять баллоны кислородом, заряжать электронику, следить за скафандром, бережно относиться к оружию и ресурсам. Всё это и без него понятно – не маленькие дети. Потом заговорил робот. Робота послушать можно. Роботы, как правило, говорят без пафоса и по делу: «По всем вопросам можете обращаться к любому "Боту"». Вот, что и требовалось доказать. Коротко и ясно. «Ботов» в этом подобии подземного бункера было штук десять. Некоторые из них стояли с потухшими светодиодами на зарядных станциях. Вероятно, до нашего прилёта у них тут было много дел – облагородить это место, сделать его мало-мальски пригодным для существования. Всё-таки, вот, заботятся о нас организаторы экспедиции. Могли бы роботов не отправлять. Низкий поклон им.

– Выбираем себе место для сна, заряжаем скафандры, наполняем баллоны, – скомандовал Капкейк, и все стали расползаться по помещению, хлопать дверями между выстроенными роботами перегородками. Выбирать место для сна надо ответственно, потому что сон – единственное хорошее, что меня ждёт... но куда ни глянь, всюду некомфортно. Впрочем, мне не привыкать... как будто случайно я оказался рядом с Рыжим и Беккой – наверное, нас друг к другу

притягивало... а может, и правда случайно... к нам троим подошёл Капкейк и сказал, не отрываясь от своего гаджета:

– Мужчины и женщины живут отдельно.

– Да ладно тебе, мы что, средневековые животные какие-то? – с иронией спросил Рыжий. Бекка улыбнулась.

– Это приказ, – ответил Капкейк и хотел было уходить (и лучше бы ушёл), но остановился и сказал:

– Вам троим поручаю разобраться с помехами. Где-то неподалеку их источник. Пойдёте завтра утром.

Вот ещё не хватало... Вот уж спасибо за доверие, Капкейк! Мог бы кого-нибудь из новичков отправить проявить себя... Новичкам он не доверят. А нам, к сожалению, доверяют... раз доверят, раз считает одной командой, мог бы нас втроём в одну комнату поселить – командный дух развивать. Мы же правда не средневековые животные. Просто Бекка очень увлекательные истории рассказывает. Заслушаешься...

Комнаты, однако, оказались двухместными, поэтому втроём бы мы жить никак не смогли. Ну и ладно... так даже лучше. Меньше народу – больше кислороду. На Земле это особенно актуально. А ещё я не люблю, когда много людей живёт в одной комнате. Всё время какие-то мелкие конфликты случаются, недопонимания. А вдвоём жить можно. Договариваться можно. Особенно с Рыжим. Он вроде человек понятливый – знает, что мне нравится, а что нет. А мне вообще-то не нравится ничего. Но я не требовательный –

лишь бы сон не отнимали.

Во время приёма пищи – безвкусных, чтобы не пришлось всем угождать по части предпочтений, тубиков – роботы раздали нам пилюли. Размером с фалангу пальца отвратительная гадость с ужасными побочными эффектами – сразу начинается тошнота. Чувствуешь, что тебя вот-вот вырвет: нарастающее ощущение, что уже всё к горлу подступает... но зато, благодаря этим пилюлям, адаптация к новым условиям происходит очень быстро. Кажется, однако, что проще было бы дать организму привыкнуть самому... ну в самом деле – человечество покорило свой уголок космоса, при этом медикаменты делает с такими побочками. Ну как так можно?

В общем, этой первой земной ночью мы думали, что не доживём до утра, потому что захлебнёмся в рвоте. Конечно, заснуть в таком состоянии едва ли возможно. А утром нам ещё этот источник помех искать. Что он из себя представляет – неизвестно.

– Я не спала ни минуты, – жаловалась Бекка за завтраком. Кажется, точно так же она говорила и в первую нашу совместную экспедицию, и во вторую. Мне было жалко Бекку, но у меня почему-то так поднялось настроение, когда она это сказала. Она посмотрела на меня и сделала вид, что замахивается, чтобы сбить с моей физиономии улыбку. Остановив кулак в нескольких сантиметрах от моего носа, Бекка сама улыбнулась. Я рад, что у неё хорошее настроение. Хорошее настроение – важно. Этот день, кроме хорошего настроения,

ничего хорошего больше предложить не мог. «Бот-12» сообщил, что загрузил в наши браслеты карту с зоной, откуда, предположительно, могут идти помехи. Он также рекомендовал лишний раз карту не включать, чтобы не тратить энергию скафандра, предупредив ещё, что в случае нештатной ситуации из-за помех могут возникнуть проблемы с поисками наших тел. Очень заботливо с его стороны – меня действительно тронула его прямолинейность... Интересно, если мы не вернёмся на базу, Капкейк отправит следующих устранять помехи? А что ему остаётся? Как будто эти помехи срывают всю экспедицию... вот так вот все пропадут, а Толстяк на Марсе будет винить террористов и продавит в разные инстанции идею, что Землю надо взорвать. Может, это и есть его план. И всё подстроено. И на нашей совести будет гибель Земли – ведь мы безропотно подчинились. Хотя какая разница, если мы все будем мертвы...

– Как вы понимаете, пока эти помехи нам мешают, мы не сможем приступить к задачам нашей экспедиции, – сказал Капкейк так, будто напутствовал нас перед спасением Вселенной. – Я отправляю именно вас, потому что уверен, что вы не подведёте, – он убрал свой гаджет в карман и положил свои ладони на наши с Рыжим плечи. Как же повезло Бекке, что у Капкейка не три руки. – Вы лучшие люди с огромным опытом...

Я перестал слушать эту его безумно трогательную речь. Почему его доверие должно быть моей проблемой?.. да, точ-

но... потому что у него власть. Ладно... что мы в самом деле, командира подведём... Рыжий смотрел в сторону, заложив руки за спину. Бекка смотрела Капкейку в глаза и кивала. Её лицо не выражало ничего. Огромные блестящие зрачки с тёмно-синей каймой. Очень красивые глаза.

– Ну, успехов... с пустыми руками не возвращаетесь, – закончил своё напутствие Капкейк. Наверняка думал, что последняя его фраза поднимает наш дух до космических высот... лично мне захотелось назло ему вообще не возвращаться – вдруг задумается, как на людей такие ожидания накладывать.

Мы надели скафандры, респираторы, проверили всю электронику – вроде работает. «Бот» поставил у наших ног коробку с баллончиками.

– Я предлагаю решение потенциальных проблем с навигацией. Будете распылять краску по всему вашему маршруту и по следу вернётесь назад.

Рыжий взял один из баллончиков, потряс его, нажал кнопку на шлеме и заговорил:

– Ты предлагаешь тащить с собой целую коробку?

Робот подмигнул светодиодами глаз, будто подумав, и ответил:

– Это бы серьёзно повысило ваши шансы на выживание. Однако я понимаю вашу озабоченность: целая коробка может оказаться слишком тяжёлой, что приведёт к повышенному расходу кислорода.

– Мы возьмём только несколько баллончиков, – сказала Бекка. И вот по нашим многочисленным карманам скафандра оказались распаханы баллончики с оранжевой краской. Откуда в этом убежище взялась краска, я понятия не имею. Видимо, те, кто снаряжал «Ботов», видели будущее. Впрочем, с современными-то технологиями, должно быть, и не такое можно сделать... при этом просканировать Землю на наличие активности удалённо, чтобы не посылать людей метить пройденный путь краской, видимо, современные технологии не способны.

– Я не понимаю, ты говоришь серьёзно или это всё твой сарказм? – услышал я в ухе женский голос. Это Бекка и Рыжий о чём-то разговаривали, пока мы поднимались на поверхность. Наверное, о чём-то интересном. Рыжий на реплику Бекки ничего не ответил. На том разговор и закончился. И хорошо – кислорода меньше израсходуем. На поверхности всё тот же плотный смог, всё те же одинаковые руины и потрескавшийся асфальт.

– Кто пойдёт первый? – спросила Бекка. Мы с Рыжим посмотрели друг на друга. Я не хотел идти первым. Рыжий, наверное, тоже не хотел.

– Ладно... я пойду, – уверен, если бы не визор её шлема, я бы увидел, как она закатила глаза. – Но потом поменяемся.

Спасибо Бекке, за то, что она такая смелая. Впрочем, может, она не смелая – просто ей не нравится, что мы такие трусы. Но ведь трусость – что-то вроде инстинкта самосохранения.

нения. А ещё трусов не должны отправлять на Землю. Хотя, судя по всему, никого, кто определяет состав летящих на Землю экспедиций, это не волнует. Я бы с удовольствием отдал своё место какому-нибудь молодому парню, грезящему оказаться на Земле. Но у меня контракт. И обещанная пенсия. А ещё я когда-то сам был таким парнем.

Помню, я как-то стоял в самом дальнем, темном углу родной марсианской базы и смотрел на стенд, на золотые таблички, увековечивающие имена людей, которые бесчисленные сотни лет назад стали послами человечества...

– Вот ты где... – эта Бекка. Она встала рядом со мной, и мы долго молча читали имена героев.

– Ты знаешь, что я недавно была в другой системе, в Большом вселенском архиве. Там есть секция про людей. Можно выбрать запись, вставить её в шлем и оказаться на Земле, когда на ней ещё жили люди.

Она рассказала чудесную историю. Я слушал её от начала до конца: «Я выбрала первую попавшуюся запись. Это был какой-то город. Там шёл снег. Такой белый-белый! А на стенах низеньких домишек висели разноцветные фонарики, хотя был день – очень белый! Белый-белый! И я попробовала пройтись, и снег хрустел. И ещё снег лежал на ветках деревьев. А на деревьях не было листьев... А мимо проходил молодой человек в большой шапке, чёрной одежде и перчатках. И на его плечи падал снег и тут же превращался в блестящие кристаллики. И это очень красиво! Я подумала, что Земля когда-то была самой красивой планетой». Она достала из кармана карточки с картинками и стала показывать мне: «Это тропический лес... Это город Париж... Это

птица, пингвин...» Да, это определенно примечательнейшие картинки – я много таких видел. Оставалось только догадываться, как бы всё это выглядело не на картинках. И если Бекка говорила, что Земля была самой красивой планетой, то у меня нет поводов ей не верить, потому что она много где была... «Это... забыла...» С картинки смотрел какой-то человек со взъерошенными волосами. Знакомое лицо... «А это радуга...» Бекка смотрела на это всё, и её огромные зрачки блестели, тонкие губы обнажали ровные белые зубы. Я вряд ли мог разделить её восторг. В конце концов от всего того, что она показывала, не осталось почти ничего, кроме картинок. С другой стороны, я её понимал – нам не повезло родиться так поздно и не застать красот родной планеты человечества. Только и остаётся, что восторгаться картинкам.

Очередной баллончик закончился. Бекка откинула его в сторону. Он, ударившись обо что-то звонкое, куда-то укатился. За нами из смога тянулась неровная прерывистая оранжевая линия.

– Это был последний, – сообщила Бекка.

– Дать тебе свой? – спросил Рыжий. Уверен, он в этот момент улыбнулся.

– Ну уж нет. Теперь ты иди вперёд.

Я включил монитор браслета. Карта не показывала наше положение. Как по ней ориентироваться, я понятия не имел. Что мы ищем, где это может быть – тоже. И меня бы очень удивило, если Рыжий и Бекка что-то знали... Хотелось пить, хотелось перекусить, но как тут попьёшь и перекусишь... мы пошли за Рыжим. Вокруг всё те же руины, всё тот же асфальт, всё тот же мусор... я с силой пнул лежащую на пути голову робота. Она укатилась в смог. Какой-то дурной поступок. Эта голова тут неисчислимое множество лет лежала, а теперь больше не лежит... впрочем, какая разница, где она будет лежать следующее неисчислимое множество лет? Как будто голове есть до этого дело... это как камень. Камню тоже нет дела, где ему лежать. Наверное...

Чуть позже случилось то, о чём я подсознательно переживал сильнее всего – мы увидели, как наш путь пересекает

неровная прерывистая оранжевая линия.

– Что ж... это неприятно, – развёл руками Рыжий. – Кажется, если пойдём дальше, то заблудимся.

Мы одновременно включили браслеты и посмотрели на карту, будто надеясь, что в этот-то раз она наше местоположение покажет... не показала. Забавно, как бесполезен человек с неработающими приборами... интересно, как Капкейк смог довести нас с челнока до убежища?... если он так хорош в ориентировании, сам бы и пошёл искать этот пресловутый источник помех – показал бы всем хороший пример. А так какой он пример показывает? Отправил людей без связи и навигации на верную гибель, а сам потягивает тубики и дышит очищенным воздухом... справедливости ради, мы тоже дышим очищенным воздухом, но у нас он не бесконечный... с этой мыслью я зачем-то нажал на кнопку принудительной подачи кислорода. Бекка и Рыжий не обратили на это внимания. Уверен, если бы не визоры шлемов, я бы увидел на их лицах глубокую озадаченность.

– Надо разворачиваться, – сказал Рыжий. – А то мы пропадём.

– Так мы выйдем на это пересечение и снова застрянем, – ответила Бекка.

– Оставим кого-нибудь тут смотреть прямо, а на пересечении пойдём в сторону.

– Что?

– Увидишь. Надо оставить тут человека, который будем

смотреть только в одну сторону.

Я посмотрел на Бекку. Рыжий тоже посмотрел на неё.

– Нет, даже не думайте! Я не Капкейк, и я вам не доверяю.

Это прозвучало дружелюбно и не обидно. Стало быть, стоять либо мне, либо Рыжему... честно сказать, я категорически не хотел оставаться тут один. Ещё сильнее, по необъяснимым причинам, я не хотел, чтобы Рыжий ходил куда-то наедине с Беккой.

– Тогда выбирай сама, с кем хочешь пойти, – предложил Рыжий. Уверен, Бекку этот вопрос смутил. Я тут же почувствовал вязкое напряжение. У меня участился пульс – думаю, будь сейчас монитор включен, он бы показал, что у меня запредельный уровень стресса... стыдоба. Я же не подросток какой-то, чтобы из-за такой ерунды стрессовать... Бекка виртуозно прочувствовала ситуацию и отказалась принимать решение.

– Ну что ж... давай тогда я пойду с Беккой, чтобы ты не напрягался.

Вот уж спасибо, Рыжий, очень благородно с твоей стороны... век не забуду... и они скрылись за моей спиной, оставив меня с ужасным ощущением, что на этой планете я один.

– Не переживай, – сказала Бекка перед уходом. – Мы мигом. До встречи!

И с чего она только взяла, что я волнуюсь? На мне же шлем!.. Я сел и стал ждать. Сколько я прождал – неизвестно. Идиоты-создатели не удосужились запихнуть в браслет часы.

Казалось бы, что может быть очевиднее часов... подумали, наверное, раз Марс совершает оборот вокруг своей оси на 40 минут медленнее, чем Земля, то не будем часы засовывать – мало ли, путаница возникнет... Короче говоря, я интуитивно ориентировался по уровню кислорода в баллонах. Чем меньше процентов, тем дальше нет Бекки и Рыжего, тем ближе моя гибель. В какой-то момент я подумал: а что делать, если уровень кислорода опустится до критического уровня? Я могу пойти налево или направо и либо встречу своих бесценных товарищей, либо окажусь на базе. Во втором случае у Капкейка возникнут вопросы, почему я один... ну... иногда товарищи пропадают без вести. Так бывает. Капкейк должен понять. Более того, он сам виноват, что послал нас втроём. Было бы нас четверо, я бы тут один не сидел... как вообще получилось, что мы пересекли свой путь? Казалось бы, всё время, насколько это возможно, прямо шли... ну ладно, надо ждать. Что ещё остаётся? Уйти будет подлостью. Вдруг они правда торопятся, вдруг беспокоятся... Я-то могу ещё подождать. Кислород и заряд ещё есть. Никаких поводов для беспокойства!... Стоять было тяжело. Может, разница в гравитации сказывается – не привык ещё. Стал вглядываться в серость смога. Было бы страшно, наверное, увидеть чьи-то яркие глаза. Что бы я мог сделать, напади на меня какой-нибудь неведомый зверь? У нас даже оружия при себе нет. Как Капкейк мог не выдать нам оружие, зная что Землю населяют ужаснейшие террористы? Да и не помогло, наверное, бы

оружие от неведомого зверя. Вдруг их не берёт физическое воздействие – первый зверь во Вселенной с сопротивляемостью к физическому воздействию обитает на планете Земля. А какое воздействие берёт – неизвестно. А если бы было известно, то сражаться сразу стало бы легче. Получается, самое ценное оружие – знание. А у меня знаний нет... Впрочем, если подумать, то и у неведомого зверя нет знаний обо мне. Вдруг я не хрупкий человечико, а ловкий мощный человечико? Поэтому зверю не стоит нападать на меня. Впрочем, зверь на то и зверь... ему плевать на знание. У него есть инстинкты. Он видит, что я не ловкий мощный человечико, а хрупкий человечико. А то, что размер не всегда имеет значение, он не понимает... Правда, откуда тут зверям взяться? Да ещё и в Ливерпуле. Да ещё и на улице, где я сижу. Я не самый удачливый человек, но это даже для меня было бы чересчур... Надо ждать... Рыжий и Бекка точно удачливее меня. Хотя с чего я это взял? Все на Земле оказались. Все подвергаются большой опасности. Слишком высокомерно с моей стороны думать, что не повезло тут только мне... Надо ждать. Идти они должны быстрее, потому что в этот раз им не надо запрыскивать асфальт краской. Лишь бы не заблудились. Всё-таки очень ненадежный метод отmarkания пройденного пути. То ли дело электроника! Если она работает, то не подводит... Надо ждать... Наконец они пришли. Думаю, если бы на мне не было шлема, они бы, увидев моё лицо, подумали, что я очень рад.

– Соскучился? – шутливо спросила Бекка.

– Ой, да не успел он! – ответил за меня Рыжий. – Мы же быстро вернулись.

Ну правильно, когда идёшь в хорошей компании, время быстро пролетает. А ты бы попробовал, как я, посидеть тут с ощущением, что на тебя кто-то смотрит.

Мы вернулись на базу. Эта бестолковая вылазка, к моей радости, подошла к концу. Капкейк негодовал, что мы ничего не нашли.

– Как же так! Я на вас рассчитывал! – он кричал, я перестал его слушать. Все вокруг смотрели на нас. Бекка смотрела в сторону – кажется, ей было стыдно. Рыжий держался достойно – задрал подбородок вверх. А мне было всё равно. Я хотел снять скафандр, поесть и попить. Все эти источники помех меня совершенно не интересовали. Почему это должно быть моей заботой, что где-то какие-то помехи и они чему-то мешают?.. а ну да, у меня же контракт и скорая пенсия. Что ж, и в этот раз надо подождать. Всё время надо чего-то ждать. Сейчас надо подождать, пока Капкейк накричится... Накричался.

Я снял скафандр, подключил его к зарядной станции, поставил баллоны заправляться. Как же мне тут тоскливо. Всё такое тёмное, серое. Там, где человек, всё становится тёмным и серым, будто других цветов нет. Верю, что другие цивилизации живут веселее, уютнее. Я, конечно, нигде за пределами Солнечной системы не был... А Бекка была. Она рас-

сказывала, что Земля была самой уютной планетой. Но какая разница, чем когда-то была Земля?.. Этих Земель по всей Вселенной наверняка миллионы – просто Бекка до них не добралась. Не знаю, почему... Я бы с удовольствием их посетил. Но мне страшно. Чтобы перемещаться на далёкие расстояния, надо в буквальном смысле убить себя. То есть встанешь на платформу, тебя стирают тут и строят заново в другом месте. Я не знаю, как это всё работает в деталях – я перестаю понимать этот мир уже когда начинаю задумываться об элементарных частицах – но в моём понимании, на другом конце этой системы буду уже не я, а моя точная копия. Это как мой брат-близнец, наверное. Но ведь я не свой брат-близнец. Я это я... А я не хочу умирать... Хотя, может, всё не так, как мне кажется: все же пользуются и не жалуются... Я посмотрел на Бекку. Она о чём-то говорила с Рыжим. Они оба улыбались. У них красивые улыбки. Может, это не та Бекка, которую я увидел первый раз. Ту Бекку стёрли. А эта Бекка – просто точнейшая копия первой... Если вдруг каждый в этом убежище пользовался телепортом, то, получается, я среди них единственный, кто рождён естественным путём и всё ещё жив... Всё-таки без такого вот добровольного самоубийства Вселенную будет не посмотреть – а зачем мне пенсия, если я навсегда останусь в родной системе человечества? Зачем мне чего-то ждать...

Бекка показала мне совместную фотографию с инопланетянами. Окружённая совершенно разными существами, она улыбалась. Все существа тоже улыбались, хотя у некоторых я не мог даже предположить, где находится рот. Но я был уверен, что они улыбались. И Бекка, показывающая мне эту фотографию, тоже улыбалась. Она показывала на каждое существо и рассказывала, кто оно и чем занимаются. Я слушал внимательно, но едва понимал, что Бекка имела в виду, например, под звёздным оператором или менеджером с приставкой в виде какого-то слова на межгалактическом диалекте. Никогда не слышал этого диалекта, при этом я знаю межгалактический язык – возможно, даже лучше Бекки... Толку он этого знания, конечно, не очень много, если ты ни разу не выбирался в другие системы... Бекка была бы не Беккой, если бы не пригласила своего инопланетного товарища в гости и не закатила в честь этого вечеринку, пригласив всех друзей. Она нашла какое-то помещение на Европе и уговорила меня помочь ей. Мне было лестно её внимание, хотя я не понимал, почему она попросила именно меня. Я бы на её месте задействовал роботов. Она показала, каким хотела бы видеть помещение: очередная земная фотография: натуральный огонь, гирлянды, ель... Мы долго вдвоём украшали стены: развешивали мишуру, какие-то игрушки, огонь-

ки. Поставили искусственную ель... весь вечер я удивлялся: где она всё это взяла? Потом мы готовили еду, разливали и расставляли напитки. Всё это время играла какая-то звонкая музыка. Получилось здорово. Наверное, это лучшее, что я делал в своей жизни. Потом Бекка куда-то ушла и вернулась, одетая в пушистый бежевый свитер. Огромный ворот обнимал её высокую шею.

– Как тебе? – спросила она, покрутившись на месте. – По земной традиции на этот праздник дарили подарки. У меня тоже есть для тебя... – она протянула мне коробку. Я открыл её. Внутри лежал красно-белый свитер с оленем. – Надевай! – почти приказала она. Я послушался, надел. Он оказался таким тёплым, таким мягким и пах чем-то вкусным. Бекка засмеялась, а потом сказала чуть тише, чем обычно: – Тебе очень идёт. – Она слегка обнажила свои белые ровные зубы. Её большие зрачки блестели светом гирлянд. Какая же она красивая! Я бы никогда в жизни не подумал, что она даже как-то косвенно связана с Вооруженными силами человечества. Мы долго стояли и смотрели друг другу в глаза. Возможно, в тот момент я чувствовал себя самым счастливым человеком во Вселенной...

Когда началась вечеринка, пришли гости – самые разные существа: красивые, некрасивые, человекоподобные и удивительно не человекоподобные. Я находился в сторонке и пил сок. Бекка обо мне, кажется, совсем позабыла. Она ходила от гостя к гостю, от существа к существу, шутила, улы-

балась. Надо было бы тоже, наверное, повеселиться, но я так не хотел веселиться... всё вокруг такое уютное, но всё равно необъяснимо по-человечески серое.

– Вы, люди, хорошо делаете, интересно, – сказал кто-то на межгалактическом языке. Я посмотрел вниз. На уровне моего колена стояло синекожее существо, одетое в почти такой же красно-белый свитер, как у меня. Наверное, я должен был быть польщён его словами. Но они как будто меня не касались. В этот вечер я почему-то не чувствовал себя человеком... а когда я вообще чувствовал себя человеком и был при этом счастлив... точно, за несколько минут до прихода первых гостей.

Мы поели. Содержимое тубиков казалось безвкуснее, чем обычно.

– Мы могли сегодня не вернуться, – засмеялся Рыжий.

– Молчи, дурак! – ткнула его локтем Бекка.

Люди, сидевшие рядом с нами, спрашивали, как всё прошло. Я не слушал. Только смотрел на лица. Чьё-то выражало страх. Чьё-то удивление. Чьё-то восторг. Гордость. Зависть. Как бы то ни было, мы с задачей не справились, но в нас видели героев – первые, вышедшие на поверхность с заданием и вернувшиеся целыми. Даром, что мы ничего не выполнили и едва не заблудились. О том, как мы опрометчиво разделились, чтобы не потеряться, наверное, Бекка с Рыжим умолчали.

– Готовы завтра идти ещё раз? – спросил Капкейк после приёма пищи. – Или устали?

– Устали, – ответили Рыжий и Бекка.

– А что поделать, – со злорадством усмехнулся Капкейк.

– Извините, что перебиваю, – к нам подошёл один из «Ботов», – но мы должны заботиться о самочувствии личного состава.

Это было очень смело со стороны робота. Знал бы он, кто такой Капкейк, и каким вспыльчивым он бывает, он бы такое не говорил.

– Не понял, – всплеснул руками Капкейк, – а тебе кто слово давал? Хочешь, чтобы я тебя на винтики раскрошил?

Мигнув глазами, робот ответил:

– Если это угроза, должен вас предупредить, что я запрограммирован в случае опасности применить протокол самообороны.

Мне на секунду даже показалось, что «Бот» встал в боевую стойку – но нет, он всё так же стоял прямо, мигал глазами. Уверен, Капкейк мог бы прямо сейчас одним ударом своей ручищи снести ему голову, и «Бот» даже пискнуть бы не успел, не говоря уже о применении каких-то протоколов самообороны – другое дело, что есть ещё другие «Боты» – возможно, они вступятся за погибшего товарища. Какие, интересно, у них там протоколы самообороны? Шокером ударить? Или струю кислоты пустить в лицо? Капкейк решил не проверять.

– Какие у тебя предложения? – спокойным тоном спросил он у робота.

– К сожалению, никаких.

– Вот она, мощь искусственного интеллекта, – усмехнулся Рыжий.

– Понимаю ваш сарказм. Наверное, вы ожидали от нас большего. Мне жаль, что мы вас разочаровали.

В механическом человекоподобном голосе робота я слышал грусть. Скорее всего, мне просто показалось, потому что роботы не имеют эмоций. Хотя может, и имеют. Я в этом не

очень разбираюсь. Но улыбка исчезла с лица Рыжего. Кажется, я видел в его глазах раскаяние.

– Да всё хорошо... – тихо ответил Рыжий.

– Ты поплачь ещё! – смехом оскалился Капкейк. – Но всё-таки, робот, предложи хоть что-нибудь.

– Я могу предложить продолжать поиск источника помех, но задействовать больше людей, либо подождать – возможно проблема исчезнет сама собой.

Второй вариант мне пришёлся по душе. Я бы с удовольствием подождал – это безопаснее, это спокойнее, для этого не надо прилагать никаких усилий. Капкейк, кто бы сомневался, сразу отверг эту идею – не сидится человеку на месте. Хотя его можно понять – до сих пор ни один террорист не был нейтрализован: что Толстяку говорить по возвращении? Самое неприятное в этой ситуации, конечно, что источник помех может быть чем угодно, даже теми пресловутыми земными террористами. Что ж, в этом случае мне придётся признавать свою неправоту. Я не хочу её признавать, потому что не хочу сражаться с земными террористами. Мне вообще дела до них нет. Шансы, что я стану их жертвой в повседневной жизни, прогуливаясь по коридорам нашей марсианской базы или иногда выходя в город, настолько малы, что жаль тратить энергию на такие предположения. Уж тем более малы шансы, что террористы сорвут Межгалактические игры. Тот карлик на вечеринке Бекки сказал, что не понаслышке знаком с обеспечением безопасности на подобных меропри-

ятях – этим занимается специальный Комитет, способный предотвращать все угрозы за миллионы лет до их появления. Так и сказал. Что он имел в виду, он не объяснил, да и тогда я не думал, что это будет иметь какое-либо значение... то есть, если земные террористы и задумывали что-то, то тот Комитет уже это предотвратил. А может, мы и есть часть плана по предотвращению? Посвятили бы хоть... впрочем, ладно, это всё глупости. Мы тут, на Земле, под землёй, исключительно по прихоти Толстяка. Я уверен, что ни в одной из бесконечности параллельных вселенных, если они существуют, Толстяк никак не связан с Комитетом по обеспечению безопасности Межгалактический игр. Уверен, узнай Комитет, что человечество такой самодеятельностью занимается, он бы обратился, куда следует, и Межгалактические игры бы перенесли... впрочем, может, Комитет в курсе, просто у него нет полномочий что-то решать и куда-то обращаться... тогда это грустно. Грустно, что моя жизнь как будто в чьих угодно, но не в моих руках... ладно, сам виноват, что стал тем, кто я есть.

– Как вариант, – предложил «Бот», – я рекомендую поделить предполагаемую зону, где может находиться источник помех, на сектора, и обследовать каждый сектор.

– Легко сказать, – фыркнул Капкейк.

– Понимаю, что эта идея может быть сложной в воплощении, в особенности в сложившихся обстоятельствах, – ответил «Бот». – Но когда нет доступа к современным техноло-

гиям, можно воспользоваться аналоговыми.

– Тьфу, аналоговыми... Уйди, робот. Не зли меня!

– Слушаюсь! – мигнув светодиодами, сказал «Бот» и уехал на зарядную станцию.

– Вы тоже свободны. Завтра будем думать, что делать.

Абсолютно бесполезный день на абсолютно бесполезной планете. Как и всегда. А когда-то я любил Землю. Видел в ней что-то романтическое. Чувствовал что-то особенное в том факте, что я – человек – возвращаюсь на неё. А потом подумал – а что в этом особенного, что в этом романтического? Всё очарование этой планеты осталось лишь на картинках Бекки и в подошедших к концу жизнях миллиардов людей, родившихся тут.

– Ну и денёк, – вздохнул Рыжий, снимая потную футболку. – Кто ж знал, что всё похерят помехи неизвестного происхождения. Интересно, что вообще их генерирует?

Я не разделял любопытство Рыжего. Если только капельку. Всё-таки, стоит признать, когда какая-то ерунда срывает экспедицию, в которой задействованы огромные ресурсы, это забавно.

– Лично я думаю, что это что-то природное... – предположил Рыжий.

На природу скинуть проще простого – мы не научились делать долгосрочные прогнозы погоды, а тут надо было спрогнозировать, что появятся какие-то необычные помехи в мёртвом земном городе Ливерпуль. Такое даже прогнозиро-

вать не имеет смысла... а если это что-то антропогенное, то тем более спрогнозировать было невозможно... А почему нас вообще отправили в Ливерпуль? Кто-нибудь интересовался, по какому принципу выбирали место дислокации? Куда приземлились остальные челноки? Испытывают ли другие какие-либо трудности или это только нам так не повезло? Поразительно, конечно, что мы покорили почти всю Солнечную систему, но случись какая-нибудь непредвиденная ерунда, так мы чувствуем себя беспомощными... я, правда, себя беспомощным не считаю. Мне вообще всё равно.

В рамках обучения тому, чем я занимаюсь сейчас, нас заставляли драться друг с другом. Я с ужасом вспоминаю это время и до сих пор понять не могу, зачем это нужно... как бы то ни было, каждого из нас готовил личный робот. Несколько дней в неделю я усердно тренировался. Не усердно бы не получилось – робот чувствовал твой настрой и неприятно пищал, если видел, что ты не стараешься. В день экзаменационных боёв многие будто были на иголках, волновались. Кто-то наоборот не волновался, всем своим видом показывая, что не оставит от своего соперника мокрого места. Вокруг ринга собралась публика из нескольких тысяч человек. Меня это поразило. Неужели это действительно так интересно? Я шёл по коридору и слышал нечеловеческий галдёж. Кто-то тянул ко мне руки через ограждения. Белый пол ринга стал розовым от крови, пролитой во время прошлых боёв. Судья что-то объяснял мне. Потом что-то объяснял моему сопернику – яйцеголовому некрасивому мужику. Это мужик провёл пальцем по шее. Кажется, этот жест считался угрозой. Судья что-то снова сказал мне. Я не слушал. Я думал лишь о том, что я вообще тут делаю. Почему я должен бить незнакомца напротив? А почему он должен бить меня? Что он сделал мне плохого, кроме того, что жестом показал, что скоро оторвет мне голову? А что плохого ему сделал я? Бой

начался, и я подумал, что было бы глупо дать ему себя побить. Во-первых, я не хотел, чтобы мне было больно. Во-вторых, меня разозлила его самоуверенность – зачем выпендриваться-то всякими жестами, если он не знает, кто стоит перед ним? В общем, я задушил его во втором раунде. Он пытался попасть в меня кулаками, один раз у него даже получилось, и толпа зааплодировала – толпе, как я понял, нравилось, когда попадают кулаками. А когда я его повалил – толпа свистела. Я чувствовал, что меня окружают полные идиоты. Сам я тоже чувствовал себя идиотом, но всё-таки я задушил своего противника во втором раунде... Смывая кровь с лица, я чувствовал огромное разочарование. А ведь, кажется, надо было радоваться – все подходили и поздравляли меня. Я не слушал их поздравления. Я не чувствовал себя триумфатором, победителем. Надо же – человека задушил, а тебя поздравляют. А если бы он тебя задушил или мощным ударом в голову отправил лечиться, его бы поздравляли. И он бы наверняка радовался. Будь его воля, он бы в самом деле оторвал мою голову, и, держа её за волосы, тряс, показывая захлебывающейся от восторга публике... Откуда такая кровожадность? Я вылил себе в рот всё содержимое литровой бутылки витаминного раствора. Надо же – человека задушил. И все, кроме меня, этим гордятся... С тех пор я ни разу не дрался и вроде как не должен знать, что такое поражение... как бы не так. Я, кажется, не знаю, что такое победа – что ощущают те люди с огнём в глазах?.. Что значит этот огонь?

Кто-то предложил Капкейку взлететь на челноке и осмотреть зону, откуда идут помехи, с воздуха. Тот над этой идеей серьёзно задумался. Я всё ждал, объяснит ли ему кто-то, что сквозь смог ничего не увидеть? Рыжий смотрел на Капкейка внимательно. Бекка смотрела на Капкейка внимательно. И все остальные смотрели на Капкейка внимательно... Может, я чего-то не понимаю. Может, челнок оснащён какими-нибудь технологиями, способными увидеть то, что скрыто от человеческого глаза. Капкейк спросил, кто умеет управлять челноком в режиме ручного пилотирования. Никто из людей не отозвался, зато отозвался один из «Ботов», и Капкейк послал вместе с роботом четырёх человек...

– Интересно, как они что-то через смог увидят? – шепнул мне Рыжий, когда перед ушедшими захлопнулась бункерная дверь. Стыдно признаться, но меня в этой ситуации волновала лишь целостность челнока как транспорта, на котором мы потом должны будем покинуть Землю. Если с ним что-то случится, то это будет, мягко скажем, досадно... отправят ли потом к нам спасателей, если связи не будет из-за помех? Вообще, знают ли там, на Марсе, про помехи? Им там с высоты космоса явно всё должно быть видно. Могли бы и сделать уже что-то. А мы могли бы и подождать, пока они это что-то сделают... нет, надо обязательно челноком рисковать!

как же всё это глупо, нерационально и неправильно... Надо, конечно, всегда надеяться на лучшее.

– Всё-таки мне не даёт покоя, увидят ли они что-то с челнока, – снова сказал мне Рыжий через несколько часов. – Эй, робот!

– «Бот-3» к вашим услугам!

– Скажи, пожалуйста, можно ли увидеть с челнока что-то сквозь смог?

«Бот» помигал светодиодами и ответил.

– Боюсь, что нет. Системы на челноке помогут составить примерный рельеф поверхности, что может служить помощью для посадки. Системами, способными видеть сквозь земной смог, челнок не оснащен.

Рыжий посмотрел на меня с радостью. Мол я так и знал! как же остальные-то до этого не додумались?

– Мне передать эту информацию Капкейку? – спросил «Бот». Радость в глазах Рыжего сменилось сомнением.

– Если считаешь нужным, то передай. Только сообщи, что сам до этого додумался.

– Понимаю ваше желание уйти от ответственности в этой ситуации, – ответил «Бот». – Вероятно, вы догадались, что из челнока не получится увидеть поверхность, только сейчас, поэтому не могли высказаться против этой идеи. В этом нет вашей вины!

«Бот» ушёл от нас.

– Так он не скажет ведь, что это я додумался, да?

Не знаю, что сказал Капкейку «Бот», но наш чернокожий громила покраснел и закричал: «Болваны! Почему никто мне не сказал, что с челнока ничего не будет видно?!» Он ходил взад-вперёд, бурлящий от злости. Его можно понять – наверняка он переживал, что челнок разобьётся, и мы не вернёмся домой. Других поводов переживать не вижу. «Где этот умник, кто предложил эту идею?» Умнику, видимо, повезло, он сейчас сидит в челноке. Возможно, всё это был гениальный план, чтобы свалить с этой планеты: несмотря на введённые ограничения, долететь до Луны, оттуда куда-нибудь далеко от Солнечной системы и там залечь на дно. Человечество злопамятно, но у него, наверное, не самые длинные руки... ех, как я сам с челноком не догадался... хотя я бы не улетал – скоро пенсия. Глупо все эти годы умножать на ноль и так сильно рисковать. Лучше просто подождать ещё немного...

– Я рекомендую вам успокоиться, – сказал один из «Ботов» Капкейку. – Несмотря на то, что миссия кажется бесполезной, у челнока есть базовые системы безопасности, которым не страшны помехи. Благодаря им, экипаж имеет большие шансы вернуться в целости и сохранности.

Капкейк остановился, сжал кулаки и сделал несколько глубоких вдохов. Надо же, гневом управлять научился...

– Подождём, – сказал он спокойно и быстрым шагом ушёл в свою комнату. Кажется, его не волновало, выживет ли экипаж. Его волновало, что время снова было потрачено впу-

стю. А что делать? Не всегда же всё должно идти гладко. Особенно на Земле. На ней вообще ничего гладкого не осталось.

Тем не менее экипаж скоро вернулся и доложил, кто бы сомневался, что не смог обнаружить источник помех. Погода не лётная, надо полагать... Капкейк негодовал: как можно было не понять, что сквозь смог ничего не разглядеть? Интересно, он себя хоть сколько-то считал виноватым? Какую глупость он предложит дальше? В конце концов, все решения принимает он.

Я чувствовал радость, что с челноком всё в порядке. Хорошо, наверное, что люди тоже не пострадали. Я ещё не со всеми познакомился. Вернее сказать, я не познакомился ни с кем и не собирался это исправлять, но всё-таки мы тут одна команда. У нас общая забота – не все о ней догадываются – вернуться с Земли... Мне бы, опять же, по возможности, хотелось сделать это целым и невредимым... Единственный человек, который, я полагаю, ни на секунду не задумывался о возвращении, это, конечно, Капкейк. У него единственная забота с земными террористами разобраться... опять я их вспомнил, будь они неладны...

Ночь Капкейк провёл продуктивно, помозговал и пришёл к выводу, что раз «Боты» умеют челноки пилотировать, то смогут принять непосредственное участие в наземных вылазках, а значит, стало быть, нужно отправить четверых человек и робота прочёсывать руины.

– Этот план сопряжён с некоторым риском, потому что наши системы навигации не работают в штатном режиме, – предупредил один из «Ботов».

– А вам не нужна навигация. Вы просто будете запоминать дорогу от базы.

– Должен вас предупредить, что объёмы нашей памяти не безграничны.

– Запомнить количество шагов и направление много памяти не надо.

– Вы правы, запомнить количество шагов возможно. Однако для определения направления нужна штатно работающая система навигации.

– Придумаете что-то! – всплеснул руками Капкейк. – Ты искусственный интеллект или я? Знаешь, что с тобой потом сделают, если не придумаешь? Расплавят в огромной печи и перекуют в столовые приборы.

– Ваши слова звучат как угрозы и манипуляция. Должен вас предупредить, что работы не чувствует страха.

– Всё! Больше слышать ничего не хочу. Начинаем подготовку.

Меня озадачило, что Капкейк требует от «Ботов» того, что они не могут сделать. Они же не люди... Наша небольшая команда – я, Рыжий и Бекка и блондин с дурацким позывным Костёр. Надо же такое придумать! что вообще это значит?... сопровождать нас выпало «Боту-1». Кажется, я ни разу не видел, чтобы этот «Бот» покидал зарядную станцию

– это не может не настораживать: должно быть, проблема с аккумулятором или с программным обеспечением, или со всем сразу. А может, всё в порядке... я не хочу доверять жизнь роботу, возможно, даже больше, чем другому человеку. Вообще никому не хочу доверять свою жизнь, кроме самого себя... а приходится всякий раз. В этот раз роботу... вообще, роботы же надёжнее людей – роботы последовательные и предсказуемые. Но всё равно не хочется им доверять... Мы все столпились в коридоре между входом и выходом. Нас обдало газом, мы поднялись на поверхность и разбрелись по улицам. Капкейк тоже с кем-то вышел. Хорошо, что не с нами... робот шёл впереди, делая одинаковые шаги и каждый раз останавливаясь, чтобы, предполагаю, просканировать местность. Как бы он действительно запоминал, как мы идём... А то потом выяснится, что он просто делал вид... В этот раз оранжевой краски у нас нет... может, Бекка, Рыжий или другой запоминают? Я не видел их лиц... ничего они конечно не запоминают. Что тут вообще можно запомнить? Ни одного ориентира – всё руины, руины, руины, брошенные роботы и скелеты автомобилей. Интересно, «Бот-1» что-нибудь чувствует, когда видит застывшего робота, предка своего? Наверное, ничего не чувствует. Он же робот. Ему не страшно, ему безразлично, что происходило когда-то на Земле: он не терял свой дом, потому что у него никогда не было своего дома. Он, наверное, даже не знает, что такое дом...

Гости стали благодарить Бекку за вечеринку и расходиться. А я остался, мне было некуда идти. Сел на кресло в углу и стал ждать. Бекка же, кажется, меня не заметила. Она нажала на кнопку на коммуникаторе, и вскоре в помещении вошли роботы. Они в считанные минуты всё убрали – не осталось ничего от праздника – серое чистое помещение с красным акцентом в углу в виде моего свитера. А Бекка спала, очень крепко, с чуть приоткрытым ртом... она могла попросить роботов помочь с украшением, но попросила меня... я не мог понять, почему. Возможно, она видела во мне ближайшего друга. Всё-таки мы столько пережили вместе... такого же друга, как и во всех ушедших гостях... а может, я просто удачно ей под руку попался... тем, кто удачно под руку попадают, свитера не дарят... Такой свитер забавный! Никогда таких не видел.

Утром Бекка проснулась, бледная, держась за голову. Я принёс ей стакан воды, сел рядом.

– А ты чего здесь? – спросила она, потом посмотрела что-то на экране своего браслета. – Я бы угостила тебя завтраком, но мне нужно бежать.

Я счёл это явным намёком. Она сдержанно попрощалась и закрыла дверь. Неужели я чём-то обидел её?

Сейчас она шла рядом с Рыжим, чуть впереди меня и Костра. За весь наш путь мы ничего не сказали. Уверен, все мы испытывали напряжение.

– Должен вам сообщить, что помехи усиливаются, – сообщил «Бот-1».

Ну и дела. Неужели, найдём что-нибудь... Мы вышли из плотных объятий смога на какой-то проспект. Бесконечная пробка брошенных автомобилей. Погнутый светофор, который никогда не загорится зелёным.

– Вы видите это? – спросил Костёр. Голос у него грубоватый. – Кратер.

Действительно кратер, разорвавший дорогу. А прямо над кратером никакого смога. Солнечный свет. Голубое небо. Вот чего я точно не ожидал увидеть.

– «Бот», стой здесь. Мы подойдём поближе, – предложил Костёр. Вот же наглец, за всех сказал. Лично я не хотел подходить поближе. Мы взяли друг друга за шланги кислородных баллонов – Бекка взяла Рыжего, Бекку Костёр, я Костра, а меня никто – и подошли к краю. Асфальт, будто плавленый сыр, свисал с обрыва. В солнечных лучах блестел, раскинув крылья солнечных панелей, спутник. Огромная махина... надо же именно нам её было найти... стало быть, это и есть тот пресловутый источник помех. Признаюсь, мне стало

интересно, как этот спутник тут оказался, да ещё и в таком относительно хорошем состоянии.

– Бекка, а ты говорила, что на Земле чудес больше нет, – пошутил Рыжий. Когда это Бекка такое говорила?

– Что мы будем делать? – спросил Костёр. Надеюсь, никому в голову не придёт туда спускаться. Глубоковато и небезопасно.

– Спускаться, думаю, не будем, – ответил Рыжий. – Тем более я понятия не имею, как эту штуку выключить. Думаю, вы тоже.

– Тогда надо возвращаться на базу и докладывать Капкейку, – Рыжий и Бекка кивнули, согласившись. – «Бот», веди нас назад.

– Хорошо, я постараюсь восстановить маршрут до базы, – ответит робот. В голосе робота не может звучать неуверенности, но я всё равно её услышал. Мы отошли от кратера, прошли по проспекту и снова нырнули в смог узких улиц. «Бот» в этот раз не останавливался. Скорее всего, он действительно шаг в шаг запомнил то, как мы шли. Интересно, если вдруг откуда-то камушек отвалился или ветер сильный подует и сместит с траектории, что тогда? Ветры на Земле порой очень неприятные. Но в этот раз всё обошлось. Непередаваемое облегчение испытал, когда увидел вход на нашу базу. А внутри – никого. Лишь оставшиеся «боты» стояли на зарядных станциях.

– «Бот», не забывай маршрут до того места, – попросил

Костёр.

– Хорошо, я постараюсь не забыть маршрут, – ответил тот и пошёл к своей зарядной станции.

Я снял скафандр. Какая же тишина, благодать... сейчас все там что-то ищут и даже не догадываются, что мы уже всё нашли!

– Спасибо, ребята, за вылазку! – торжественно сказал Костёр. Он улыбался и смотрел на нас, будто видел в нас по меньшей мере друзей на всю жизнь.

– Ой, да ладно... Просто вылазка, – махнул рукой Рыжий. – Сколько ещё таких будет...

Кажется, Костра немного задело, что его вдохновение никто не разделил. Он посмотрел мне в глаза и тут же отвернулся и ушёл, пробормотав: «Ладно, всё равно спасибо. Хорошего вечера». Это услышал только я. Рыжий в этот момент увлеченно шептал что-то Бекке на ухо, а та широко улыбалась. Все те крупницы хорошего настроения вдруг обернулись большой грустью, и я ушёл в свою комнату. Не сбежать от всего этого, потому что невозможно убежать от себя.

Группы стали возвращаться одна за одной. Все грустные, недовольные и уставшие. Роботы сразу отправлялись на зарядные станции, а люди, сняв скафандры, усаживались вдоль стены, показывая, как же им тяжело. Капкейк тоже вернулся недовольный. Он собрал всех и спросил, кто что нашёл. Пришлось выйти из своей комнаты. Бекка и Рыжий стояли рядом друг с другом и через несколько тел от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.